

Приятно видеть, как другой человек и другим путем приходит почти к тому же, о чем сами давно думали»

(К.Леонтьев. Письмо Л.Тихомирову)

«Выйдет что-либо стройное, исторически прочное из русской национальной стихии?» Этот вопрос был одним из неотвязных и мучительных для К. Леонтьева. Этот же вопрос остается необыкновенно актуальным и ныне, спустя 110 лет после смерти великого философа... Леонтьев смог дать положительный ответ только провозгласив решительный поворот от либерализма к деспотизму, в чем видел единственный выход из современного кризиса. Всего отчетливее Леонтьев сформулировал своё credo в письме к Василию Розанову. Наши пороки, говорит Леонтьев, столь велики, что «требуют большей, чем у других народов власти церковной и политической. То есть наибольшей меры легализованного внешнего насилия и внутреннего действия страха согрешить. Народ же выносящий страх Божий и насилие - есть народ будущего, ввиду общего безначалия». Такая перспектива представлялась Леонтьеву спасительной для России. В конце жизни он ещё более конкретизирует свои мысли о политическом обустройстве России: «...союз социализма с русским самодержавием и пламенной мистикой (которой философия будет служить как собака), это ещё возможно, но уж жутко же будет многим. А иначе всё будет либо кисель, либо анархия». Сама русская жизнь подтвердила точность предвидений К. Леонтьева.

Ещё один момент хотелось бы отметить. Кристальный эстетизм, утонченная гармония, культ красоты, причём, красоты особой, горней, - всё это отмечали в Леонтьеве и многие современники (Соловьев, Розанов) и позднейшие исследователи (Лосев, Галковский). Так вот, подобный Леонтьевский эстетизм, его аристократическое чувство Прекрасного, стародворянская тонкость вкуса оказываются в вопиющем противоречии с «изношенной пошлостью» идеи демократии, с протестантско-еврейскими идеями либерализма и политкорректности.

С кем из западноевропейцев можно сравнить Леонтьева? Сравнение с Ницше стало уже банальностью, общим местом, но, всё же, от него никуда не деться. Совпадение идей, стиля, даже тональности этих философов просто поразительное. Ницше называют предтечей германского национал-социализма. Это тоже уже стало общим местом, но это действительно так. Леонтьева с полным основанием можно назвать провозвестником православного, монархического, к сожалению, ещё не состоявшегося, русского национал-социализма.

Из политического наследия Леонтьева: «Во всей Европе есть только один голос, долженствующий иметь для нас вес и внушать уважение - это голос Германии. Остальные мнения можно брать в расчёт из одной лишь вежливости, ни к чему не обязывающей... мы должны избежать всякого повода для возможных столкновений с Германией, даже и в далеком будущем» («Храм и Церковь»). Особенно своевременными эти слова Леонтьева кажутся нам сейчас, когда некоторые русские националисты начинают искать самых неожиданных союзников: то среди провинциальных польских язычников, то среди весьма сомнительных французских или испанских «правых»...

Ещё на одной теме хотелось остановиться подробнее - Леонтьев и «сентиментальное», «розовое христианство», распространённое в нашем образованном классе. Не так давно мне довелось присутствовать на встрече одного уважаемого московского пастыря с «православно-патриотической» общественностью. В ожидании начала встречи «общественность» тихо шуршала газетами «Завтра», «Русский Вестник»... Самым интересным в подобных встречах являются записки с вопросами, которые посылает публика выступающему. По их содержанию можно вполне ясно судить об умонастроениях, царящих в той или иной аудитории. Записки - хороший показатель подобных настроений: они анонимны, и пишущий спрашивает действительно то, что его интересует, что кажется ему наиболее важным и существенным.

Мы живём в предапокалиптическое время - стоит только выйти на московские улицы, чтобы понять - это хуже библейского Вавилона. Внутри самой церкви столько проблем - русских священнослужителей, настоящих пастырей, тех, готовых, по слову Спасителя «душу положить за овцы своя», просто-напросто снимают с приходов, удаляют от паствы под предлогом участия в «политической деятельности». Это и о. Никон (Белавенец), и о. Олег Строев. Фактически изолирован от паствы о. Кирилл (Павлов), духовник Троице-Сергиевой Лавры, имеющий своё мнение (отличное от мнения Чистого пер.) в отношении ИНН. Из Санаксарского монастыря изгнаны несколько монахов, не желающих участвовать в грядущей переписи населения. Так какие же вопросы волнуют «православно-патриотическую» общественность? Вот тексты из некоторых записок:

Автор: Андрей Жуков
17.05.2011 15:45

«Что Вы думаете о словах Пушкина «Поэзия должна быть глуповата?», «Как Вы относитесь к искусству Возрождения?». Верх всего это вопрос «Является ли Франсуа Мориак Христианским писателем?» Вот так! Вот какие вопросы занимают умы нашей патриотической интеллигенции! Приходится только согласиться и с уничижительными отзывами Леонтьева в отношении интеллигенции, и со словами современного публициста и историка Руслана Бычкова «о времени богословствования топором».

Сейчас наступило время, когда нам нужны герои, необходим особый класс русских православных людей - новой духовной элиты общества... Необходим культ героя, культ воина, культ монаха! «Благо тому государству, где преобладают «жрецы и воины» (епископы, духовные старцы и генералы меча) и горе тому, где первенствует «софист и ритор» (профессор и адвокат)», - писал Леонтьев. От себя дополним - вдвое горе, когда «профессор и адвокат», господствующие в обществе, в массе своей явно иудейского происхождения.

Леонтьев считал монашеское и воинское служение высшим служением в этом мире. Вот его слова: «Я за православную Россию меньше буду бояться с такими людьми как Скобелев, Лермонтов, Потемкин Таврический, чем с такими как Акакий Акакиевич и даже Максим Максимыч». Да, конечно, основа России это Каратаевы и Мармеладовы! Но должна быть элита, аристократия! Аристократия не алкогольно-геморроидальных шутов из нынешнего Дворянского Соборания, а монашески-воинская аристократия, истинная элита, наделенная высочайшим чувством чести, столь ценимым Леонтьевым. Есть ли у нас такие люди?

В конце жизни Леонтьев приходит к мысли о необходимости создания некоего духовного ордена. Лев Тихомиров вспоминал: «Борьба за наши идеалы встречает организационное противодействие враждебных партий. Мы все являемся разрозненными. Правительственная поддержка скорее вредна, чем полезна, тем более, что власть, как государственная, так и церковная - не дает свободы действия и навязывает свои казенные рамки, которые сами по себе стесняют всякое личное соображение. Необходимо поэтому образовать особое общество, которое поддерживало бы людей нашего образа мыслей повсюду - в печати, на службе, в частной жизни, всюду выдвигая наиболее способных и энергичных. Очень важное и трудное условие составляет то, чтобы общество было неведомо для противников, а, следовательно, ему приходится и вообще быть тайным, т.е. нелегальным. Это главное условие его силы... В обществе этом не должно быть никаких внешних признаков организации, как, например, устава, печати, списков, протоколов... Трудности на этом пути предвиделись огромные, но только тайное общество давало бы возможность сильного действия». Тихомиров считал необходимым поставить общество на двойном уставе - одном явным, безобидным, преследующим какие-нибудь банальные цели (научные или благотворительные), для

отвода глаз, а другой устав тайный, содержащий действительные цели организации. Цель же у Тихомирова и у Леонтьева была одна - защитить Православную Церковь и Государя, сохранить самодержавную монархию и, тем самым, спасти Россию. «Есть такие вещи, - писал Леонтьев, - которые уступить нельзя». И далее: «Я не понимаю французов, которые умеют любить всякую Францию, и всякой служить... Я желаю, чтобы отчизна моя достойна была моего уважения и Россию всякую (например, такую, в которой Градовский и Стасюлевич ограничивали бы власть министров) я могу разве по принуждению выносить...»

Что же делать? Как нам жить? Остаются всё те же вековые русские вопросы...

«...чтобы русскому народу действительно пребыть тем народом-«богоносцем», от которого так много ждал Достоевский - он (народ - А.Ж.) должен быть ограничен, привинчен, отечески и совестливо стеснен... Иначе, через какие-то полвека, не более, он из народа богоносца станет мало-помалу, сам того не замечая, народом-богоборцем... Без страха и стройных ограничений...русское общество...помчится быстрее другого по пути всесмешения...и лет через 100 из наших государственных недр, сперва безсловных, а потом и безцерковных родим того самого антихриста... Не надо забывать, что антихрист должен быть еврей, что нигде нет такого множества евреев как в России, и что до сих пор не замолкли у нас многие, даже и русские голоса, желающие смешать с нами евреев посредством убийственной для нас равноправности... тот, кто способствует равноправности евреев в России, уготовляет путь антихристу». («Над могилой Пазухина»). Что здесь надо ещё комментировать? Увы, всё сбылось, «как по-писанному».

Правда, в конце своей жизни Леонтьев смотрел на грядущие перспективы России более оптимистично, чем тот же Л. Тихомиров - этому способствовал режим «национальной реакции», установившейся в России при Александре III. Тихомиров же был настроен гораздо пессимистичнее и, увы, оказался более точным в своих прогнозах, но это тема для отдельного разговора.

Братство св. прп. Иосифа Волоцкого

«СОВРЕМЕННЫЕ УРОКИ» КОНСТАНТИНА ЛЕОНТЬЕВА

Автор: Андрей Жуков
17.05.2011 15:45
